

БУДДА В ПЕЩЕРЕ

Многочисленные археологические памятники, так же как и древние рукописи, свидетельствуют о том, что начиная с середины I в. до н. э. проникновение буддизма из Индии в Китай шло с Запада на Восток через Фергану и Семиречье¹. В I–III вв. н. э. на территории современной Северной Индии, Пакистана, Афганистана и Средней Азии существовала великая Кушанская империя, покровительствовавшая буддизму. Империя испытала большое влияние эллинистической культуры, поддерживала связи с Римом, Персией, Китаем. Именно в годы ее расцвета по древним торговым маршрутам буддизм пришел сначала в Туркестан, а затем и в Китай. Можно говорить и об обратном движении, когда в Семиречье появились уже восточно-туркестанские и китайские миссионеры². Важно, что буддизм имел распространение в Семиречье и после X–XI вв., когда здесь при Караханидах утвердился ислам³. Распространение буддизма в этот период связано с вторжением сюда найманов во главе с Кучлук-ком. Наконец, последняя буддийская волна прокатилась по этим территориям в контексте джунгаро-казахских войн. Буддизм здесь, как позднее и ислам, выработал гибкий механизм взаимодействия с тенгрианством, с локальными верованиями и культурами, легко наделяя их ритуалы и святые места своими функциями и инкорпорируя их в свою культовую систему.

Древние торговые пути шли не только от оазиса к оазису, от базара к базару, от острова к острову —

они связывали между собой святые для человечества места и были подобны нервной системе в человеческом организме (*рис. 1–2*). Центральноазиатские транспортные коридоры, имевшие глобальное значение, естественным образом объединяли торговлю и информационный обмен, паломничество и тысячекилометровые миграции. Торговля с паломничеством всегда шли рука об руку. Религии сменяли одна другую, но святые места — примечательные пещеры, отдельные скалы, камни и деревья, целительные источники, могилы пророков и праведников — часто оставались на прежнем месте, меняя лишь имена и названия. Не обращая внимания на границы государств, к ним шли со своими нуждами, с мольбами о здоровье, успехе, богатстве и чадородии тысячи и тысячи паломников.

Считается, что появление святых пещер, разбросанных по всему буддийскому миру, связано с древнеиндийской традицией. Святыни там высекались в скалах и заглублялись в землю. Так в основном неподалеку от караванных путей появились пещерные монастыри, украшенные скульптурой и стеной живописью.

Две святые пещеры, объединенные общим названием Коныр аулие и расположенные неподалеку от древних караванных маршрутов, связаны так или иначе с этой древней традицией. На рубеже XIX–XX вв. Российская империя превратила эти маршруты в обустроенные торговые тракты. Как говорилось выше, первая пещера

Рис. 1. Перевал Таш-Рабат по пути из Нарына к озеру Чагыр-куль. Фотоотпечаток, 13,0 × 18,0 см. Поступление 1899 г. Собиратель Н. Ф. Петровский. МАЭ РАН, № 511–8

Рис. 2. Караван в пустыне Такла-Макан.
Фото Т. М. Федоровой. Экспедиция МАЭ РАН, 2008 г.

Рис. 3. Вход в пещеру Аулие-Тас (Коныр аулие).
Фото Е. А. Резвана. Экспедиция МАЭ РАН, 2010 г.

лежит около Баян-аула, близ Павлодаро-Баянаульско-Каркаралинского тракта. Вторая — на Сергиопольском тракте, в той его части, которая ведет от Семипалатинска до Чугучака (через Аягуз).

Оба пещерных образования были некогда объектами буддийского культа, где особо почитались пещеры, вход в которые напоминал женское лоно⁴ (рис. 3). В двух километрах от Каркаралинска, в котором мы были в 2010 г., расположены «Каменные палаты» — глубокий естественный грот длиной около 10 метров. Сегодня под его сводом в беспорядке лежат большие валуны. Старожилы вспоминают, что здесь некогда стоял буддийский памятник, который был якобы вывезен в Омск. Относительно

пещеры Коныр аулие, расположенной неподалеку от современного Семей, имеются указания на то, что здесь прежде находили буддийскую бронзу⁵.

Процесс буддийско-исламского взаимодействия во многом аналогично происходил и на территории Китайского Туркестана. Исламизация населения региона, завершенная в основном к XV–XVI вв., не привела к полному исчезновению центров буддийской культуры, сосредоточенной в монастырях. Об этом также свидетельствуют коллекции МАЭ. Так, в 1899 г. бронзовую статуэтку Манджушри передал в МАЭ Сергей Николаевич Алфераки (1850–1918) — известный русский орнитолог и энтомолог. В 1879 г. он организовал экспе-

дицию в Среднюю Азию, Казахские степи и Китайский Туркестан⁶. Позднее в качестве хранителя Зоологического музея Академии наук он обрабатывал богатые сборы Пржевальского, Потанина, Березовского, Певцова, Роборовского, Козлова, Грум-Гржимайло и др. В ходе своей экспедиции в июле 1879 г., вблизи тракта, идущего из Карашара в Кульджу, на речке Малый Юлдуз, возле ключа Заланту, в маленьком естественном гроте, он и обнаружил статуэтку, которую передал в МАЭ 20 лет спустя (рис. 4–5).

Как и повсюду на географических окраинах мусульманского мира, ислам в Степи связан с почитанием прибывших сюда извне первоучителей. Возможно, что именно как восстановление порядка после хаоса, который ассоциировался с потопом, воспринималась здесь проповедь таких людей, как Коныр.

В Центральной Азии есть по крайней мере еще два места, связываемых народным преданием с легендой о Всемирном потопе и Нухе. Одно из них — «Туркестанский Арабат», описанный еще В. И. Массальским (1859–1932)⁷. Это вершина в горном массиве Казыгурт, лежащем между Чимкентом и Ташкентом. Не так давно здесь был воздвигнут памятник «Нұх пайғамбар кемесі» (Ковчег Ноя). Второе место расположено в горах Нур-ата (Самаркандская область Республики Узбекистан). Согласно А. П. Федченко (1844–1873), «далее за Дарьей возвышалась отдельная гора Афтоб; хотя последняя и не отличалась особой высотой (не более 3500 метров), но туземцы сочли долгом обратить на нее наше внимание, так как на ней остановился Ноев ковчег. Про претензии ташкентцев, что ковчег остановился на Казыгурте, они, конечно, знали и объяснили это невежеством. О том же, что их гора не более как один из многих претендентов на то же значение, они, очевидно, и не подозревают»⁸.

Среди возможных объяснений расположения всех этих объектов на достаточно ограниченной территории — необычные природные явления и катастрофы⁹, связанные с потерей / восстановлением культурной традиции и сменой религиозных / цивилизационных ориентиров.

Ислам имеет собственную традицию почитания пещер, восходящую в первую очередь к пещере Хира. Она

расположена на вершине одноименной горы (другое название горы — Нур), что к северо-востоку от главной мекканской мечети, связана с многодневными бдениями и духовными упражнениями (*таханнус*) пророка Мухаммада в доисламский период и явилась местом получения им своего первого откровения (см. Коран, сура 96). Можно вспомнить и широко распространенный в мусульманском мире рассказ о пещере Саур, укрывшей пророка и его спутника, будущего первого праведного халифа Абу Бакра, от преследователей-мекканцев во время переселения в Йасриб — *хиджры* (см. Коран, 9:40). В этой связи включение обеих пещер Коныр аулие в круг исламских мест поклонения¹⁰ было столь же естественным, как некогда и наделение буддизмом местных ритуалов и святых мест своими функциями.

Для нас важно то, что святые места, которые оставались на прежнем месте, меняя лишь имена и названия, знаменовали собой и постоянное сохранение и развертывание единого, по существу, мифа. По утверждению А. Ф. Лосева, миф позволяет взглянуть на фрагментарную действительность, забыв о рефлексии и анализе: «...мы взглянули на картину как на нечто целое, восприняли ее в единой концепции, увидели светотени, краски, фигуры, забывши о химии и физике»¹¹. При этом выда-

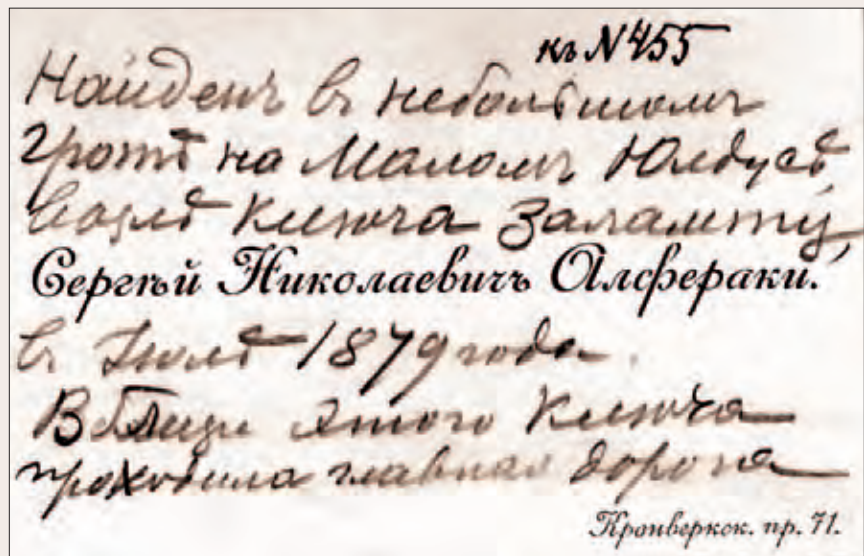

Рис. 4. Визитная карточка С. Н. Алфераки с изложением обстоятельств находки статуэтки. 1899 г. МАЭ РАН, приложена к коллекционной описи № 455

ющийся русский философ утверждает, что «миф есть... наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей мере напряженная реальность. Это не выдумка, но — наиболее яркая и самая подлин-

Рис. 5. Статуэтка Манджушри. Высота 17,0 см. Бронза.
Дар С. Н. Алфераки, 1899 г. МАЭ РАН, № 455-1. Фото С. Б. Шапиро

ная действительность. Это — совершенно необходимая категория мысли и жизни...»¹². Миф по своей сущности «абсолютно непосредственен и наивен и не требует никакой специальной работы мысли, тем более — научной или научно-метафизической», миф «текуч, подвижен; он именно трактует не об идеях, но о событиях, и притом

чистых событиях, т. е. таких, которые именно нарождаются, развиваются и умирают, без перехода в вечность»¹³. В этом отношении святые пещеры, связанные, как мы видели выше, с перерывом и возобновлением культурной традиции, передают нам сквозь века и на языках разных религий одну и ту же историю.

Примечания

- ¹ Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. *Аджина-тепе* (М., 1971). С. 110–115.
- ² А. Н. Бернштам. *Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана*. Т. I. (Бишкек, 1997). С. 151–152; Б. Л. Ставиский. «Некоторые вопросы истории буддизма в Средней Азии (Из итогов раскопок Кара-тепе — буддийского пещерного монастыря в старом Термезе)». *Доклады по этнографии. Географическое общество СССР*. 1/14 (М., 1965). С. 28–29.
- ³ См., например: *Путешествие в Восточные страны Плано Карпини и Гийом де Рубрука* (Алматы, 1996). С. 110.
- ⁴ В тибетском буддизме прославились такие пещеры на горе Утайшань в китайской провинции Шаньси. Почитаемые пещеры этого типа зафиксированы и в Забайкалье. См.: Л. Л. Абаева. *Культ гор и буддизм в Бурятии*. (М., 1992). С. 78.
- ⁵ «...Отдаленное указание на находки предметов буддийского культа (бронзовые статуэтки) имеется из района Чингизтавского в пещере Конур-аулие по р. Чаган в горах Актас на урочище Догалак» (И. А. Чеканинский. «Развалины “Кзыл-Кент” в Каркаралинском округе Казакской АССР (Исследования и библиография)», *Записки Семипалатинского Отдела Общества изучения Казакстана*. I/XVIII (Семипалатинск, 1929). С. 92. Я благодарен Х.-М. Илифу за информацию об этой работе.
- ⁶ См.: С. Н. Алфераки. «Кульджа и Тянь-Шань. Путевые заметки». *Записки по общей географии ИРГО*. XIII/2 (1881); S. N. Alphéraky. “Lepidoptères du district de Koulcha etc.”. *Horae Soc. Ent. Ross*. XVI–XVIII (1881–1883).
- ⁷ *Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей*. Т. XIX. *Туркестанский край* (СПб., 1913). С. 415.
- ⁸ А. П. Федченко. *Путешествие в Туркестан* (М., 1950). С. 112.
- ⁹ Подробнее см.: Ю. С. Худяков. «Сравнительный анализ сведений из арабских, персидских и китайских источников о необычных природных явлениях и катастрофах, происходивших на Ближнем, Среднем Востоке и Центральной Азии в раннем Средневековье». *Вестник НГУ*. Серия: История, филология. X/5 (2011). С. 247–254; он же. «Воздействие природных аномалий и катастроф на этнокультурное развитие кочевников Центральной Азии в конце I-го тысячелетия до н. э. — первой половине I-го тысячелетия н. э.». *Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН* (М., 2010). С. 138–140; А. Ю. Борисенко, Ю. А. Ведерников, Г. С. Лбов, Ю. С. Худяков. «Перспективы анализа сведений и поиска закономерностей в истории природных катастроф в Центральной и Восточной Азии в древности и средневековье». *Труды Международной научной конференции «Вычислительные и информационные технологии в науке, технике и образовании»*. Т. I. (Павлодар, 2006). С. 262–269; Ю. С. Худяков, Ю. А. Ведерников, Г. С. Лбов, В. А. Понько. «Опыт разработки базы данных о земных катастрофах космиче-

ского происхождения». *Большая Медведица*. I (2000). С. 24–31; он же. «Перспективы разработки методики ретроспективного анализа данных о земных катастрофах космического происхождения». *Космическая защита земли* (Снежинск, 1996). С. 41–43.

¹⁰ О взаимодействии ислама и буддизма в Центральной Азии подробнее см., например: Е. А. Резван. *Между Туркестаном и Тибетом: салары* (СПб., 2010). С. 53–46; 254–273; 296–301.

¹¹ А. Ф. Лосев. *Диалектика мифа*. Сост., подг. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого (М., 2001). С. 167.

¹² *Там же*. С. 36.

¹³ *Там же*. С. 59.